

УДК 81

Л.М. Михайлова

кандидат филологических наук,

Е.А. Ищенко

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

Redaction-el@mail.ru

ИОСИФ БРОДСКИЙ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ КРИТИКИ

**[*Mikhailova L.M., Ischenko E.A. Joseph Brodsky*
in modern American and British critics]**

The article is devoted to the consideration of Joseph Brodsky from the viewpoint of modern American and British critics. It is known that Brodsky was not accepted by many English-speaking readers and critics, as there was a failure in the information channel of intercultural communication. With regard to Brodsky's poetry, from all aspects of Russian poems, the most translatable was only narrative. Hidden value in the originals is displayed on the surface of the translation. Thus, the translation becomes a comment to the original. And the literal translation system destroys metaphorical poems, as in poetry to the fore associative connections of words rather than their pragmatic value. Therefore, in the translations of Brodsky it refers to the author's metaphor than a metaphor of language.

Key words: Joseph Brodsky, translation, narration, poetry, metaphor.

Рецензентов можно разделить на несколько групп. Первая группа состоит из лиц, которые помогали Иосифу Александровичу создать авторскую личность «Joseph Brodsky». Они судят творчество Бродского не по самим текстам, а по многолетней дружбе с писателем/поэтом и совместному творчеству. В эту группу входят: Д. Уолкотт – поэт, переводчик, которым так сильно восхищался И.Бродский, посвятив ему эссе. Уолкотт участвовал в работе над сборником «A Part of Speech»; У. Х. Оден – учитель Бродского, проводник в англоязычную поэзию; Д. Уэйссборг – друг и переводчик Иосифа Александровича, который терпеливо помогал ему с переводами собственных произведений [8]. Вторая группа рецензентов считает Бродского важной фигурой в культурной жизни Америки и Европы, но не автором определенных текстов. Они больше обращают внимание на саму международную репута-

цию Бродского. Они восхищаются его творческой личностью и готовы принимать все недочеты и ошибки Бродского в произведениях, в качестве достоинств. К этой группе относится Майкл Хоффман.

Третья группа включает в себя такие лица, как Д. Бэйли, С. Биркертс, Ч. Симик – рецензенты, знающие русский язык. Для них Иосиф Бродский и Joseph Brodsky – две совершенно разные личности, причем вторую личность они воспринимают исключительно как переводчика. Поэтому именно эта личность является для них объектом критики. Четвертая группа рецензентов наиболее критически настроена. Они считают внешнюю независимость Joseph'a Brodsky от его русского alter ego они воспринимают как желание поэта быть прочитанным по-английски, в контексте англо-американской поэзии, безотносительно к русскому оригиналу. В эту группу входят такие рецензенты, как Питер Портер, Дональд Дэви, Кристофер Рида и Крэг Рэйн. Как они твердят, Бродский сам попал в свою ловушку: Joseph Brodsky подменяет собой Иосифа Бродского и ставит под сомнение его международную репутацию. Согласно этим рецензентам, что не Joseph Brodsky, а великий русский поэт заслужил Нобелевскую премию, но она становится частью его биографического мифа, попадая на обложки его сборников, — и вот уже раздаются упреки в том, что величайшая литературная награда попала не по адресу [1].

Так, например, в автопереводе стихотворения «То не Муза воды набирает в рот» строки «И глазами по наволочке лицо / растекается, как по сковороде яйцо...» переведены практически дословно и, поскольку образ сугубо авторский, не теряют первоначального смысла. Даже, возможно, в английском тексте острее чувствуется скрытая здесь метафора слез: «The face spills its eyes all over the pillowcase» («лицо разливает свои глаза по наволочке»). Но в переводе сравнение «like eggs in the frying pan» («как яйца на сковороде») выглядит необоснованным, поскольку у англоязычного читателя не может возникнуть ассоциация, обусловленная внутренней формой русского языка («на сковороде яйцо» - «глазунья» - «глаз»), а в английском понятия «fried eggs» («яичница») и «eye» («глаз») не связаны.

Так же, в другом стихотворении «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» тюремное понятие «кликуха» заменяется в переводе словом «nickname», что не передает нужной грубости, а звучит, согласно критикам, довольно-таки нежно [4].

Часто Бродский сталкивался с неперебиваемостью многих русских реалий, и зачастую он отказывался пересоздать свое произведение в рамках другой культуры, даже когда русские реалии имели эквиваленты в языках, на которые И.Бродский выполнял переводы. Так, его критиковали, что он скорее шел на неэквивалентную лексику, что рождало скорее не новый смысл произведения, а его бессмысленность. Хотя некоторые рецензенты считали, что многие автопереводы могут рассматриваться как самостоятельные произведения, написанные по мотивам русских оригиналов [3].

Также, складывалось впечатление, что из-за трудности перевода русских реалий, которые изобилуют в стихотворениях Бродского, автор-переводчик сознательно допускал коммуникативные сбои, отсылая читателя к оригиналу вместо того, чтобы дать ему более или менее полноценный художественный текст.

В результате этого, читатель выбивается из коммуникативной цепи: англоязычный читатель не знаком с традициями, особенностями и реальностью, которые присутствуют в текстах, а русскоязычный, способный увидеть культурную и реальную основу, не владеет языком перевода. Критики утверждают, что Бродский создал свой особый язык на границе русского и английского. Поэтому, единственным полноценным носителем этого языка является сам поэт. Таким образом, читатели двух культур становятся свидетелями диалога между Иосифом Бродским и Joseph Brodsky.

Сохранение большого числа слогов в строке обрекло поэта на многословие, менялось и соотношение частей речи: в отличие от оригинала, в автопереводе присутствует большое количество эпитетов, которые часто меняют эмоциональную тональность стихотворения. Ради сохранения ритмики и рифмы Бродский допускал ошибки в английской грамматике: неточное употребление временных глагольных форм, артиклей, синтаксических конструкций и т.д. [7].

Оценка известного критика, литературоведа и поэта Дональд Дэви стала самой негативной. Дэви полагает, что английские стихотворения Бродского до отказа перегружены тропами, «гиперактивными метафорами», игрой слов. По его словам, Бродский так старательно пытался сохранить размер оригинального стихотворения при переводе, упуская из виду, что строгие метры русского стихотворения совсем неприемлемы в английской поэзии. «Наши ритмы, даже дробные десятисложники Марло или Драйдена, менее четки и более вариативны, нежели ритм трехсложных размеров, характерных для русской классической поэ-

зии. Коль скоро это так, последствия чрезвычайно важны, ибо это означает, что рокошущая русская строка благополучно управляется с громыхающими в ней блистательными тропами и “конкретными физическими деталями”, под весом которых более легкая английская спотыкается, запинается и запутывается».

Использование переноса в англоязычной поэзии, по мнению Деви, также требует значительно большей деликатности, нежели демонстрирует Бродский в своих автопереводах. У Бродского сохранялись только метрическое и графическое, но не музыкальное, интонационное единство. Строфы Бродского в переводе выглядят громоздкими, а сложная рифмовка — искусственной, вымученной. Дональд Дэви отметил, что критики поспешили с высокими оценками англоязычного творчества Иосифа Бродского, сослужили ему плохую службу, а присужденная Нобелевская премия в возрасте 47 лет стало не просто преждевременной, а губительной. Как критик полагал, из писателя/поэта сделали «икону», прежде чем смогли увидеть в нем страдающего человека и добросовестного мастера [6].

Значительное место в рецензии занимают рассуждения о структурных особенностях стиха Бродского. Уолкот признал: «При переводе на английский шестистопная рифмованная структура, обычная для русской поэзии, рискует вызвать ассоциации комического, пародийного или иронического характера. Ни один современный английский или американский поэт не пойдет на такой риск, как употребление женских окончаний в совершенно серьезном контексте...». В рецензии Джона Бейли раздаются серьезные замечания. Он считал, что произведения, включенные в сборник «A Part of Speech» имеют типологическое сходство с поэзией Одена и Лоуэлла, не присущие оригиналам. Бейли сделал вывод, что Бродский пытался придать своим переводам английский стиль, что считал большим недостатком. Также, переводы Бродского имеют публицистический стиль, рассчитаны на публику, поэтому в них скрыта подлинная сущность стихотворений Бродского [5].

Джордж Циртес в своей рецензии, опубликованной в журнале «Poetry Review» представил целый анализ тем и мотивов Бродского (любовь, разлука, время). Он восхищался, как Бродский свободно обращается с английским языком, восхищался «железной структурой» его стиха и гибкостью словаря, хоть и отметил определенный недочеты. Джордж Циртес считал, развязность и грубый сленг в поэзии Бродского являлись, наоборот, преимуществом, стилистической особенностью переводов, а не недостатком. Свои критические

замечания Циртес заключает следующим выводом: «В книге «A Part of Speech» есть досадные недочеты и маньеризмы, но не имеет особого смысла на них останавливаться». Другой рецензент Дерек Уолкот отмечает, что этот сборник не включает в себя столь блестящих примеров «пересоздания» русского стихотворения в английском языке, но представляет собой единое целое — книгу, обогатившую англоязычную литературу.

Известно, что автопереводы Бродского не были приняты многими англоязычными читателями и критиками, так как произошел информационный сбой в канале межкультурной коммуникации. Что касается поэзии Бродского, из всех аспектов русского стихотворения, оказался самым переводимым только повествовательный. Все скрытые значения в оригиналах выводятся на поверхность при переводе. Таким образом, перевод становится комментарием к оригиналу. И этот буквальный перевод разрушает метафорический строй стихотворений, так как в поэзии на первый план выходят ассоциативные связи слов, а не их прагматические значения. Поэтому, в переводах Бродский обращается к авторской метафоре, чем к метафоре языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волгина А.С.* Автопереводы Иосифа Бродского и их восприятие в США и Великобритании 1972-2000 гг. Дис. . канд. филол. наук: Москва, 2005.
2. *Иванов В.В.* Бродский и метафизическая поэзия // Лев Лосев. Жизнь замечательных людей. М., электронный учебник.
3. *Куллэ В.* Примечания // Бродский И. Бог сохраняет все. 1992.
4. *Полухина В.* Вступление к главе «В Англии» // Иосиф Бродский: труды и дни. М.: Независимая газета, 1998.
5. *Bayley J.* Not Afraid of Sounding Major // The New York Times Book Review. 1988.
6. *Davie D.* The saturated line // Times Literary Supplement. 1988
7. *Kyst J.* Brodsky's Bilingualism: Practice and Prehistory .University of Copenhagen, 2004.
8. *Polukhina V.* Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

REFERENCES

1. *Volgina A.S.* Publisher's Joseph Brodsky and their perception in the United States and Great Britain 1972-2000 gg. Dis... cand. Philology. Sciences: Moscow, 2005.
2. *Ivanov V.V.* Brodsky and metaphysical poetry // Lev Losev. Lots of great people. M., electronic textbook.
3. *Kulle V.* Notes // Brodsky I. God saves all. 1992.
4. *Polukhina B.* Introduction to the chapter "In England" // Joseph Brodsky: Works and Days. M.: Nezavisimaya Gazeta, 1998.
5. *Bayley J.* Not Afraid of Sounding Major // The New York Times Book Review. 1988.
6. *Davie D.* The saturated line // Times Literary Supplement. 1988
7. *Kyst J.* Brodsky's Bilingualism: Practice and Prehistory .University of Copenhagen, 2004.
8. *Polukhina V.* Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

12 ноября 2014 г.
